

Бьются реки осенней порой,
Соловьи заливаются летом.
Даль гремит.
Что он слышит, глухой?
Что, немой, он расскажет об этом?
Птичьих песен ему не понять,
Петушиного крика в селенье,
Той молитвы, которую мать
Шепчет, веря в его исцеленье.
Он своих не расскажет обид.
Утром в путь он уходит недалний,
В молчаливую кузню спешит,
У беззвучной стоит наковальни.
Разжигает он черную печь,
Поднимает свой молот сурово
И руками, обретшими речь,
Произносит заветное слово.
Я смотрел на работу его,
На широкие смуглые плечи.
Мне казалось — его мастерство
Обладало и слухом и речью.
Закалял он железо в огне,
И своими большими руками
Говорил он такое, что мне
Не сказать никакими словами.

Перевел Н. Гребнев

О, яблоки, созревшие в Мухоле,
Ваш цвет похож на цвет снегов весной.
Когда рассвет на полчаса, не боле,
Их красит красным цветом с желтизной.
О, зрелые плоды земли балкарской,
Познавши щедрость солнца и дождей.
Людей вы одаряете по-царски:
Их, зрелых, превращаете в детей.

Перевел Н. Гребнев

Большие поэты и реки большие!
Сравни их приметы — бескрайни их шири.
Хоть малые реки
В большие вольются.
Большие навеки
Собой остаются.
Большая река и великий поэт.
Есть сходство меж ними, различия нет.
Года пролетают,
Исток не скудеет,
Хоть русло петляет,
Река не мелеет.
С поэтами схожа большая река:
Течение, волнение ее — на века.
Пусть грозы над нею
Гремят в исступленье.
Но громы сильнее —
Обильней течение.
Великие реки, большие поэты.
Похожи их свойства, похожи приметы.
Реке, как на горе.
Уж путь недалек.
Но ближе до моря —
И шире поток.

Перевел Н. Гребнев

Я слово искал, перетряхивал снова
Свой скудный запас золотой.
Мечтал: подарю я тебе это слово,
Как влагу траве молодой.
Не тронул я словом тебя первозданным,
Ты тут же забыла о нем,
Бессильном, как дождь над простором песчаным,
Как снег над открытым огнем.

Перевел Н. Гребнев

Перед собою не в лесу ли
Кабаньи видел я клыки
И звездные глаза косули
С полночным отблеском тоски?
Перед клыками не робел я,
С душой горячей, как июль,
И, полный трепета, смотрел я
В библейские глаза косуль.

Перевел Я. Козловский

Новый год, как с добычей охотник,
В белой бурке спускается с гор,
И во многих квартирах сегодня
Вспыхнет елки зеленый костер.
Снег летит, снег летит,
и воочью
Вижу поле далекое я,
Где встает новогодней ночью
В наступление рота моя.
Ах, как молоды мы еще, кстати,
Батальонный у нас тамада.
Кровь багрит белоснежную скатерть,
И падучая блещет звезда.
Новый год постучался в ворота,—
Что ж я плачу, смешной человек?..
...Все идет в наступление рота,
И ложится ей под ноги снег.

Перевел Я. Козловский

Не знаю, был ли хлеба я достоин,
Того, что ел всегда и ем сейчас.
Был чист ли я перед землей родною,
Где этот хлеб был выращен для нас.
Длинна ль — не знаю — жизни нашей повесть?
Но я хочу, чтоб и в последний час
Моя, друзья, чиста была бы совесть,
Как хлеб, которым угощаю вас.

Перевел Н. Гребнев

Весны я не встречу однажды,
Нисколько о том не скорбя,
И в зной не почувствую жажды,
В ручье не увижу себя.
Забуду о всех своих ранах
И с вечера до петухов
В ущелье о белых платанах
Шептать я не буду стихов.
И мне не услышать в ауле
Отзывчивой тонкой струны,
Ножом из арбуза в июле
Не вырезать красной луны.
Не встречу я первого снега
И с черной папахи своей
Морозного белого меха
Стряхнуть не смогу у дверей.
Забуду я, стар или молод,
Не будет ни ночи, ни дня,
И в самый убийственный холод
Присесть не смогу у огня.
Окажется, что не навеки
Мне были так щедро даны
И солнце, и тучи, и реки,
И добрые руки жены.
Я, преданный горным вершинам,
Обнять не смогу вышины...
Живые по этим причинам
Оплакивать мертвых должны.

Перевел Я. Козловский

Ты камнем стал. Я не храбрюсь,
И мой придет черед
Лежать, не различать на вкус
Земную соль и мед.
Намочит вешний дождь траву.
Ударит в небе гром,
Нам ни во сне, ни наяву
Не мокнуть под дождем.
Мы матерей забудем, друг,
И смех детей в саду.
Прикосновенье женских рук,
Дававших нам еду.
Но что мы сделаем за век,
То смерти избежит.
Хоть на горе и тает снег,
Сама гора стоит.

Перевел Н. Гребнев

Одиночество я ненавижу,
Без людей кляню я жизнь мою.
Если долго я людей не вижу,—
Словно от работы устаю.
Горец у друзей огня попросит,
Если у него темно в золе,
Спутника в горах в беде не бросит,
Если тот повиснет на скале.
Вот и я, чтоб стало мне светлее,
У людей огонь беру всегда.
Без людей дорога тяжелее,
А с людьми — беда мне не беда!
Знаю, дней моих близка граница,
А за ней — черед иных годин.
Время будет бесконечно длиться.
Только я — один, всегда один.
Нет, поймите боль мою глухую,—
Одному в земле сырой лежать:
С другом никогда не потолкую
И врага не встречу я опять!

Перевел С. Липкин

